

*Бессонница. Три ночи валит снег,
искрится в пирамидах фонарей.*

Александр Ляпин

«Стоять, стоять!» —

коней смиряю тяжкий бег —

Не пали чтоб. «Такое на дворе...»

Три Божьих дня, три ночи валит снег,

Искрится в пирамидах фонарей.

«Неужто огонёк во мраке? Чу!

Ну так и есть — и это нас спасло.

Коней, коней! — трактирщику кричу. —

Судьбы дорогу снегом занесло.

Скорей, скорей!» С депешей моей

Спешу в край гор, чтоб душу врачевать.

«Нет, барин, свежих у меня коней!

Придётся вам в корчме заночевать».

«Мне, статскому советнику, отказ?..

Крапивное ты семя, как ты смел!»

«Простите, ваша светлость, на Кавказ

Не вы один. Три ночи валит снег.

Есть комнатка.

Есть водочка... стерлядь.

И общество: купцы, протоирей.

Изволите зайчатинку подать?»

«Давай уж, так и быть. Да побыстрей!»

«Представиться извольте:

мистер Брайен!

Купец не первой гильдии — пока.
Такая скука. Может быть, сыграем
Чуть позже в подкидного гурака?»
«Я видеть вас хотел бы в экипаже,
Чтоб сгладить эту скуку наконец...
Я очень вам признателен. Уважьте
Меня своим присутствием, купец.
По стопочке... вот рыбка,
антрекоты.

И вы, святой отец, прошу зело.
Насчёт же „гурака“ не беспокойтесь,
Вам в этом плане крупно повезло.
О, эти карты — это моя слабость!
О, эта степь ямщицкая!» — финал.
Всё промотав, курьер сигел, осклабясь,
И пулю-гуру в гуло загонял.
«Всех в тарары! Тракт для меня фатален», —
Офонарел среди трактирных рей.
Бессонница. А снег всё валит, валит,
Искрится в пирамидах фонарей.

★★★

Всё острее ощущаю и вижу
Боль ошибок утраченных дней.
Георгий Анохин

Получил я сегодня визу
И не знаю, что делать с ней.
Всё острее ощущаю и вижу
Боль ошибок утраченных дней.
Ну куда мне с подобным грузом?
Хоть на помощь зови не зови.
Вся зарёвана, классная Муза
На вещах сидит — визави.
Столько было супружеских ошибок,
Столько загнано пегих коней.
Ещё больше совершаю ошибок
На отшибе утраченных дней.
И не счесть уже сломанных копий,
Снятых тайно медвежьих шкур.

Отправляюсь в турне по Европе —
К Моне Лизе прекраснейшей, в Лувр.

★★★

Как заглянешь в глаза — там вселенская бездна,
И охватит тебя леденящая жуть.

Уходил эскадрон от казачьих разъездов,
Устилая людьми отступления путь.

Уходил эскадрон на замызганных клячах,
Будто призраки ночи качались в седле.

Уходил эскадрон — то была сверхзадача:
Выжить и победить вот на этой земле.

У людей от бескормицы трескались губы.

Тиф на плечи свалился — завшивленный сон.

А голодная степь только скалила зубы

Да грозилась ущербною ржавой косой.

Переменчиво счастье и белых, и красных,

У всего есть предел, свой тартар.

Комиссар расстрелял дезертира напрасно.

«Ты не прав, комиссар! Ты не прав, комиссар».

«Нет, я прав! Нет, я прав.

Мне дано это право», —

И железным огнём полыхнули глаза.

«Те, кто против, — налево!

Те, кто за, — направо».

Оказалось, что все до последнего — за...

Я в глаза заглянул, а в глазах этих — бездна.

Как мираж, колыхнулась вода.

Уходил эскадрон от казачьих разъездов,

Уходил эскадрон в никуда.

В астраханских степях переменчива осень.

Кто-то скажет: «О, этот Восток!»

Под лазурью небес не песок — тлеют кости,

Глеет белый красный песок.

И такая вокруг, друг ты мой, панорама!

Воздух сдвоенный, что ли, горчит?

Солнце красное, будто открытая рана,

День и ночь отзывается, кровоточит.